

Линь Чжэнси сжимал ладонь Янь Миня, мечтая лишь о том, чтобы ступени Шибань никогда не заканчивались, чтобы они могли идти так вечно — до самого края света.

Однако даже у самой длинной дороги есть конец, и они всё же поднялись на вершину.

Лишь достигнув пика, Янь Минь с неохотой разжал пальцы и спрятал руку в карман куртки, стараясь подольше сохранить тепло, перешедшее от ладони другого человека.

Линь Чжэнси сделал то же самое: засунул обе руки в карманы пальто, небрежно огляделся по сторонам и, склонившись к самому уху Янь Миня, прошептал:

— Здесь наверху такой сильный ветер, и температура намного ниже. Ты не замерз?

Высота главной вершины Горы Тайшань превышает 1500 метров. Пока они поднимались сюда, воздух стал ощутимо холоднее. А с учетом ледяного ветра на вершине, стоило лишь остановиться после долгого пути, как пробирающий до костей холод моментально проникал под одежду.

Янь Минь знал, что Линь Чжэнси одет легче него, и сказал:

— Там сдают напрокат куртки, давай возьмем одну.

Родственники Линь Чжэнси, уже бывавшие здесь прежде, быстро сориентировались и отправились к пункту проката. Янь Минь с Линь Чжэнси поспешили за ними.

Туристы обступили палатку проката плотной толпой — на такой морозной вершине теплая одежда была нужна каждому. Увидев это, Янь Минь не удержался и крикнул:

— Вы не могли бы не сбиваться в кучу? Встаньте в очередь, пожалуйста!

Кто-то отозвался:

— Зачем очередь? Мы же греемся, когда стоим плотнее.

Янь Минь подошел ближе:

— Что случилось?

Он уже собирался снять свою куртку и отдать Линь Чжэнси — тот был выше ростом, да и одет был тоньше, так что ему нужнее. Однако, заметив замешательство на лице спутника, Янь Минь понял: куртки в прокате, скорее всего, были грязными. Линь Чжэнси, получив свою вещь, даже не надел её, а лишь принялся и тут же брезгливо отстранился.

Двоюродный брат Линь Чжэнси крикнул из толпы:

— Курток на всех не хватает, придется делиться! Осталось меньше часа до рассвета, встретим солнце и сразу спустимся, потерпите как-нибудь.

Стоило ему это сказать, как многие вокруг рассмеялись.

Линь Чжэнси притянул Янь Миня к себе в объятия, и от нахлынувшего чувства счастья его тело охватила дрожь. Неужели это происходит на самом деле? Янь Минь сам предложил делить одну куртку на двоих!

Янь Минь спросил:

— Ты замерз?

Линь Чжэнси тут же подбежал к выдаче, взял два армейских бушлата и один протянул Янь Миню. Тот надел его, приподнял воротник и принялся — вполне сносно, куртка была довольно новой и чистой, без посторонних запахов. Услышав это, Линь Чжэнси просиял так, словно выиграл в лотерею пять миллионов. Он поспешно вернул лишний бушлат брату и вернулся к Янь Миню, чтобы укрыться одной курткой на двоих.

Линь Чжэнси покачал головой:

— Со мной всё нормально. А ты не мерзнешь?

Янь Минь покачал головой:

— Нет, ты как грелка, мне очень тепло.

Линь Чжэнси сказал:

— Вставай передо мной, я заслоню тебя от ветра.

Янь Минь, увидев, что происходит, предложил:

— Отдай свой бушлат брату, давай мы будем вдвоем под одним.

Сегодня, в первый день Нового года, на Горе Тайшань было особенно много людей, пришедших встретить рассвет и помолиться. Курток не хватало катастрофически. Их компания состояла из семи человек, а арендовать удалось лишь пять, так что четверым неизбежно приходилось делиться.

Янь Минь беспомощно потер нос, признавая правоту спутника. Он поплотнее закутался в одежду и прижался к Линь Чжэнси. Тот, не теряя времени, надел бушлат, взял Янь Миня за руку и отвел за большой камень на вершине, где уже прятались от ветра другие люди.

Вокруг было немало пар, которые также грелись под одной курткой, так что выглядели они вполне обычно. Линь Чжэнси распахнул широкий армейский бушлат и укутал в него Янь Миня.

На горе было холодно, но сейчас Линь Чжэнси чувствовал, что никогда в жизни ему не было так тепло — ведь в его объятиях была маленькая грелка, о которой он мечтал всем сердцем.

Линь Чжэнси обнимал Янь Миня, прислонившись спиной к камню, и был настолько счастлив, что готов был потерять сознание от восторга. Человек, о котором он грезил столько лет, сейчас послушно притих в его руках. Сколько же поколений предков он должен был почитать, чтобы заслужить такую награду?

Сердце человека за его спиной билось тяжело, дыхание было прерывистым, выдавая волнение и восторг. Янь Минь мог лишь догадываться, что творится в душе у Линь Чжэнси, и от этого ему стало немного горько, но в то же время сердце наполнилось нежностью. Он слегка повернул голову, и его ухо коснулось щеки Линь Чжэнси.

Тот мгновенно напрягся. Янь Минь тихо прошептал:

— Скоро рассвет.

Линь Чжэнси наконец обратил внимание на то, что происходит вокруг. Занималась заря, очертания Горы Тайшань постепенно проступали в утренних сумерках. Он, стараясь скрыть смущение, сказал:

— Наконец-то можно разглядеть, как выглядит Гора Тайшань. Всю ночь поднимались, а я и не видел ничего. В детстве часто слышал от деда рассказы о родной Горе Тайшань, читал у Конфуция о том, как, поднявшись на неё, чувствуешь себя хозяином мира, читал стихи Ду Фу о взгляде с вершины. Я так мечтал сюда попасть. Это первая гора, на которую я поднялся после возвращения в Китай — и оно того стоило.

Янь Минь рассмеялся:

— Высокую планку ты взял! Слышал поговорку: после пяти великих гор на другие и смотреть не стоит? Боюсь, скоро никакие горы не будут тебя впечатлять. Впрочем, у меня планка была ещё выше: первой горой, на которую я поднялся, был Хуаншань, а говорят, что после него вообще ни на какие вершины не смотришь. Хе-хе!

— О Хуаншане я знаю — сосны, встречающие гостей, и облачное море. Я тоже хочу туда подняться, станешь моим гидом? — спросил Линь Чжэнси.

— Конечно, с удовольствием, — пообещал Янь Минь.

Пока они болтали, небо светлело, и некоторые туристы начали доставать фотоаппараты. Линь Чжэнси тоже хотелось сделать снимок, но он не хотел шевелиться — ему хотелось остаться в этом объятии, или, вернее, он просто не решался пошевелиться.

Янь Минь тоже замер, заметив перемену в состоянии Линь Чжэнси и услышав его учатившееся дыхание. Это состояние передалось и ему.

За те десять с лишним лет, что он провел в виде бесплотного духа, он бесчисленное множество раз размышлял, что будет, если физически он окажется неспособен принять Линь Чжэнси и они останутся лишь духовными спутниками — не будет ли это несправедливо по отношению к Линь Чжэнси?

Сейчас стало ясно: его опасения были излишни.

Двоюродный брат Линь Чжэнси подошел, чтобы сфотографировать их, и это нарушило неловкость момента. Янь Минь хотел выбраться из объятий, но Линь Чжэнси крепко обхватил его за талию, достал свой фотоаппарат Hasselblad и сказал брату:

— Второй брат, сделай, пожалуйста, наш снимок. Прямо так, как мы сейчас.

Брат, ни о чем не задумываясь, взял камеру и запечатлел их двоих, закутанных в один бушлат. Чтобы выглядеть более близкими, Линь Чжэнси положил подбородок на плечо Янь Миня, и оба ярко улыбнулись.

В те времена люди были куда проще: мужчины могли не только обниматься, но и держаться за руки или ходить в обнимку, и никому в голову не приходило заподозрить их в чем-то непристойном.

Брата Линь Чжэнси впечатлил фотоаппарат, он начал расспрашивать о цене. Услышав стоимость, он только цокнул языком — это была сумма, равная его зарплате за несколько лет.

— Фотографии, наверное, получатся просто отличные? — спросил брат.

Линь Чжэнси ответил:

— Неплохие.

Увидев, что рассвело, Янь Минь решил выбраться из объятий:

— Дай камеру, я сфотографирую вас с сестрой.

Линь Чжэнси было жаль отпускать его, но он понимал, что так долго продолжаться не может. Он неохотно разжал руки:

— Бушлат оставь себе. — Он потянулся, чтобы снять его.

Янь Минь остановил его:

— Твоя одежда тоньше, носи сам.

Линь Чжэнси накинул бушлат на плечи Янь Миня:

— Ты же собирался нас снимать, в этом не очень удобно.

Янь Минь подумал: «Только что мы фотографировались именно так».

Родственников Линь Чжэнси позвали, они сняли свои бушлаты и, несмотря на ледяной ветер, встали на вершине для снимка. Янь Минь сделал пару кадров, затем Линь Чжэнси взял камеру и поснимал братьев и сестер.

После этого Янь Минь снял бушлат, и они с Линь Чжэнси сделали несколько совместных фотографий, а потом и каждый по отдельности. Закончив, все продрогли до слез, начали дрожать и поспешили надеть бушлаты, снова сбиваясь в кучу, чтобы согреться.

Небо уже полностью посветлело, на горизонте занялась заря. Люди начали занимать места в ожидании солнца. Линь Чжэнси, укутав Янь Миня в бушлат, встал вместе с ним у ограждения на краю обрыва.

На горизонте виднелись клочья черных облаков, но они не мешали рассвету. Янь Минь помнил, что в его прошлой жизни первый день года всегда был дождливым и пасмурным, он и подумать не мог, что на севере весна может быть такой ясной.

Небо светлело всё больше, черные облака окаймились ярким краем, который постепенно розовел, затем светлел, переходя в желтизну, а в конце загорелся золотом. Огромный огненный шар вырвался из-за горизонта — солнце, сопровождаемое всполохами красного света, показалось над миром, даруя ему первый луч нового года.

Толпа взорвалась криками:

— С Новым годом!

Янь Минь снимал солнце на камеру, а Линь Чжэнси, обняв его за талию сзади, прошептал на ухо:

— Янь Минь, с Новым годом! Пусть этот год будет ярким и успешным, а карьера процветает!

Янь Минь ответил ему:

— Линь Чжэнси, с Новым годом! Пусть все твои желания исполнятся!

Линь Чжэнси чувствовал, что обрел всё. Это был самый счастливый праздник Весны в его жизни, и все его желания уже исполнились.

После восхождения на Гору Тайшань Янь Минь решил вернуться в родные края — он решил это ещё до отъезда из Пекина. Линь Чжэнси был крайне опечален и хотел поехать вместе с ним, но не мог: ему и его семье предстояло еще несколько дней провести в Тайане, прежде чем вернуться в Пекин.

Хотя Янь Минь тоже хотел побыть с ним, у него не было подходящего предлога остаться. В конце концов, он приехал сюда под тем же поводом — подняться на гору. Остаться дольше было бы странно, поэтому ему пришлось уехать, договорившись встретиться с Линь Чжэнси, когда тот вернется в Пекин.

Домой он добрался к третьему дню Нового года. Семья была крайне удивлена его внезапным появлением, но все были очень рады его видеть.

Родина Янь Миня находилась в Хуаншане, в месте, которое раньше называлось Хуэйчжоу. В эпоху династий Мин и Цин в народе ходила поговорка: Если в прошлой жизни ты не совершил добрых дел, то родишься в Хуэйчжоу, а в тринадцать-четырнадцать лет тебя выкинут из дома.

Этот край был гористым, земли не хватало, люди жили очень бедно, и мальчики, достигая подросткового возраста, были вынуждены покидать дом, чтобы прокормить себя. Этот исторический фон сформировал характер хуэйчжоусцев: они были смелыми, упорными, остро чувствовали любую опасность и именно здесь породили знаменитых хуэйчжоуских купцов.

Янь Минь тоже уехал из дома в тринадцать-четырнадцать лет, чтобы учиться в Хэфэе, затем отправился за океан в США, а после окончания учебы остался в Пекине. В итоге, времени, прожитого вдали от дома, у него набралось почти столько же, сколько за все детские годы на родине. Тем не менее, он очень любил свою малую родину — прекрасную землю с богатой историей и культурой.

Сам Янь Минь, возможно, не осознавал, что его собственный характер был типичным для уроженца Хуэйчжоу: смелость, предприимчивость и обостренное чувство опасности.

Отец Янь Миня был инженером-энергетиком, мать — учительницей китайского языка в средней школе, в семье также были старшая сестра Янь Вэнь и младший брат Янь Фэй. Родители, будучи интеллигентными людьми, уделяли большое внимание образованию детей.

Когда Янь Минь учился в начальной школе, занятия из-за политических событий шли с перебоями, поэтому основную часть знаний трое детей получили от родителей. Янь Минь с детства проявлял необычайные способности к учебе: он был любознательным, схватывал всё на лету и прочел все доступные книги. К моменту восстановления вступительных экзаменов он, будучи в третьем классе средней школы, уже самостоятельно освоил всю программу старших классов и даже некоторые университетские дисциплины.

Весной 1978 года Научно-технический университет Китая объявил об открытии класса для одаренных детей. Узнав об этом, семья отправила Янь Миня на экзамены, и он поступил.

Успехи его сестры Янь Вэнь и брата Янь Фэя были куда скромнее: сестра поступила в профессиональное училище и после выпуска работала бухгалтером в местном учреждении, а брату пришлось сдавать вступительные экзамены в университет трижды, прежде чем он поступил, и теперь, окончив обучение, он ждал распределения.

Янь Минь редко проводил время с семьей, и никто из них не был склонен открыто выражать свои чувства, поэтому он всегда считал, что они не особенно близки. Но после того, как он попал в аварию и стал вегетативным больным, семья была убита горем. Несмотря на ограниченные возможности, они сделали всё возможное для его спасения. Пожилые родители, не жалея сил, лично ухаживали за ним, твердо веря, что он очнется, и наотрез отказывались слушать советы врачей сдать.

Позже, благодаря помощи Линь Чжэнси, родители, сестра и брат наконец освободились от тяжкого бремени.

Получив шанс вернуться в молодость, Янь Минь воспринял это как небесную награду для себя и своей семьи. Он поклялся беречь родственные узы и относиться к близким с добротой, стараясь искупить свою вину перед ними за прошлое.

<http://bllate.org/book/22087/2296761>